

Джером К. Джером
Jerome K. Jerome

Леди
и джентльмены

Классическая английская новелла

Джером Клапка Джером Леди и джентльмены (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6061100

Леди и джентльмены [сб.; пер. с англ.] / Джером К. Джером. : АСТ;

Москва; 2013

ISBN 978-5-17-078091-4

Аннотация

Рассказы, которые входят в число лучших произведений величайшего юмориста Англии – Джерома К. Джерома. Потрясающе забавные приключения английских леди, джентльменов и, что немаловажно, их слуг, собак, кошек, а также призраков – столь же эксцентричных и оригинальных, как и их хозяева. Озорная апология викторианской Британии – страны, где следует неизменно держать себя в руках (или в лапах) и даже в самой нелепой ситуации сохранять невозмутимость. Джером К. Джером – писатель, которого будут с наслаждением читать ВСЕГДА. И не в последнюю очередь это относится именно к его прелестным рассказам!..

Содержание

Этюды в холодных тонах	5
Реджинальд Блейк, финансист и подлец	5
Образец житейской мудрости	21
Искушенный Билли	49
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Джером Клапка Джером

Леди и джентльмены

Jerome K. Jerome

SKETCHES IN LAVENDER, BLUE AND GREEN
TOMMY AND Co

*Перевод с английского В.А. Вебера, Т.А. Осиной
Компьютерный дизайн Г.В. Смирновой*

ЭТЮДЫ В ХОЛОДНЫХ ТОНАХ

*Букет лаванды соберем, дидл, дидл!
Зеленые листочки, лиловые цветы.
Когда я стану королем, дидл, дидл!
Королевой будешь ты.*

*Мы позовем своих людей, дидл, дидл!
В стране работы много:
Пока один пасет гусей, дидл, дидл!
Другой мостит дорогу.*

*Пахать, и сеять, и косить, дидл, дидл!
Заботу всем найдем.
С тобой нам некогда тужить, дидл, дидл!
Мы в спальнку пойдем.*

Старинная английская песенка

Реджинальд Блейк, финансист и подлец

Преимущество литературы над жизнью заключается в том, что герои добротного художественного произведения, как правило, очерчены четко и действуют последовательно. Природа, в свою очередь, начисто лишена логики и находит особую радость в создании причудливых, а порой и неммыс-

лимых характеров. Реджинальд Блейк представлял собой образец хорошо воспитанного подлеца – пожалуй, наиболее типичный и в то же время самый яркий среди всех особей, обитающих на территории между Пиккадилли-серкус и Гайд-парк-корнер. Порочный без страсти, обладающий мозгами, но не умом, он шел по жизни, не встречая преград, и с легкостью, без угрызений совести и без тени раскаяния срывал плоды удовольствия. Нравственность его без труда умещалась на небольшой территории, ограниченной кабинетом врача, с одной стороны, и залом судебных заседаний – с другой. Старательно соблюдая нормы и предписания каждого из этих институтов, к сорока пяти годам джентльмен сохранил отличное здоровье, хотя и растолстел; а также сумел решить нелегкую задачу создания солидного состояния без риска угодить в тюрьму. Он и его жена Эдит (урожденная Эппингтон) составляли самую негармоничную пару, какую только способен представить драматург, собирающий материал для проблемной пьесы. В день венчания, стоя перед алтарем, жених и невеста могли бы воплощать союз сатира и святой. Эдит была моложе Реджинальда на двадцать с лишним лет и обладала внешностью рафаэлевской Мадонны, а потому каждое прикосновение супруга казалось не чем иным, как святотатством. И все же один-единственный раз в жизни мистер Блейк блестяще исполнил роль благородного джентльмена, а миссис Блейк в то же утро обрекла себя на безысходно жалкое существование – унижительное даже для влюблен-

ной женщины.

Брак, разумеется, был заключен по расчету. Надо отдать Блейку должное: он никогда не пытался изобразить иных чувств, помимо восхищения и почитания. Мало что приедается быстрее ярких впечатлений, а потому супруг тешил самолюбие респектабельностью, а для разнообразия не чурался общества менее притязательных женщин. Прекрасное лицо привлекало его примерно так же, как лунный свет притягивает того, кто, устав от шума и суеты гостиной, отворачивается к окну и прижимается лбом к прохладному стеклу. Привычка неизменно получать желаемое подсказала предложить цену. Многочисленное семейство Эппингтон прозябало в бедности. Девушка, воспитанная в ложных понятиях о чувстве долга и связанная условностями, согласилась на жертву во имя самой жертвы: немного подумала, позволила отцу поторговаться и продала себя за круглую сумму.

Для того чтобы драматический сюжет заинтересовал почтенную публику, необходим герой-любовник. Гарри Сеннет, молодой человек весьма приятной наружности, которую не смог испортить даже безвольный, скошенный подбородок, отличался не столько здравым смыслом, сколько благи-ми намерениями. Под влиянием сильного характера Эдит он вскоре покорно принял участие в предложенной схеме. Обоим удалось убедить себя в благородности собственных действий. Атмосфера прощальной беседы, имевшей место накануне свадьбы, оказалась бы более уместной в том случае,

если бы Эдит воплощала современную Жанну д'Арк, готовую жертвовать собой во имя великой цели. Но героиня всего лишь готовилась стерпеть богатую и беззаботную жизнь с одной-единственной целью – дать возможность некоторому количеству более или менее достойных родственников жить не по средствам. В данной ситуации чувства, возможно, оказались слегка преувеличенными: слезы лились рекой, а прощаниям не было конца. Надо заметить, что новый дом Эдит располагался в соседнем квартале, да и круг общения оставался практически прежним, так что более опытная пара не утратила бы надежды на счастье. Не более чем через три месяца после свадьбы миссис Блейк и мистер Сеннет оказались за одним столом на званом ужине и после краткой, но исполненной мелодраматизма борьбы с обстоятельствами, которые обоим хотелось рассматривать как перст судьбы, вернулись к привычным отношениям.

Блейк ясно сознавал, что совсем недавно Сеннет был любовником Эдит. Аналогичное положение занимали еще с полдюжины джентльменов – как моложе счастливого супруга, так и старше. Встречаясь с ними, почтенный финансист испытывал смущения ничуть не больше, чем если бы стоял на тротуаре возле фондовой биржи, приветствуя собратьев по цеху после удачных торгов, в результате которых крупное состояние покинуло их руки и перешло к нему. Сеннет пользовался особым расположением и поддержкой победителя. Вся наша социальная система, неподвластная мысли фило-

софа, основана на простом факте: очень малое число мужчин и женщин обладает достаточным умом, чтобы представлять интерес для самих себя. Блейк любил компанию, однако редко встречал взаимность. А вот молодой Сеннет всегда с радостью скрашивал однообразие домашней беседы. Особенно сближала джентльменов любовь к спорту. Многие из нас при ближайшем рассмотрении кажутся лучше, а потому и эти двое вскоре прониклись друг к другу симпатией.

– Вот человек, за которого тебе надо было выйти замуж, – полусушутя-полусерьезно заявил Блейк жене, когда супруги сидели в гостиной вдвоем и слушали, как за окнами, на темной пустынной улице, постепенно стихают шаги Сеннета. – Хороший парень; совсем не такой бездушный денежный мешок, как я.

А примерно через неделю Сеннет, оставшись наедине с Эдит, неожиданно заявил:

– Он лучше меня, несмотря на все мои напыщенные разговоры. И, честное слово, искренне тебя любит. Может быть, мне лучше уехать за границу?

– Как хочешь, – последовал ответ.

– А что сделаешь ты?

– Убью себя, – со смехом ответила Эдит. – Или убегу с первым, кто позовет.

И Сеннет остался.

Блейк сам создавал любовникам условия для встреч. Не было необходимости ни опасаться, ни скрываться. Самой

надежной тактикой оказалось безрассудство, и они пошли именно этим путем. Для Сеннета дом оставался открытым в любое время. Больше того, когда Блейк не имел возможности сопровождать жену, то неизменно призывал на помощь молодого друга семьи. В клубе приятели лишь пожимали плечами и пытались понять, окончательно ли старик Реджи попал под каблук или просто устал и затеял собственную дьявольскую игру? Большинству знакомых вторая версия казалась более правдоподобной.

Сплетни тем временем докатились до родительского дома молодой супруги. Миссис Эппингтон выплескивала праведный гнев на голову зятя, в то время как мистер Эппингтон с присущей ему осмотрительностью склонялся к упрекам в адрес неблагоразумной дочери.

– Она все разрушит, – сокрушался взволнованный отец. – Неужели, черт возьми, нельзя вести себя осмотрительнее?

– По-моему, муж нарочно ее провоцирует, чтобы избавиться, – заявила миссис Эппингтон. – При первой же возможности поговорю с негодяем начистоту.

– Не будь дурочкой, Ханна, – ответил папочка без излишней щепетильности. – Если ты права, то только ускоришь развитие событий, а если ошибаешься, то выдашь то, чего ему знать не следует. Положись на меня. Уж я-то смогу вразумить зятя, не сболтнув лишнего, а ты лучше поговори с Эдит. На том и порешили, однако беседа матери с дочерью едва ли принесла ощутимую пользу. Миссис Эппингтон рас-

суждала в соответствии с общепринятой моралью: Эдит думает только о себе, причем руководствуется дурными принципами. Бессердечие дочери возмутило.

– Неужели тебе ни капли не стыдно? – кричала матушка.

– Стыд остался за порогом этого дома, – ответила Эдит. – Знаешь ли ты, что сделали со мной золоченые зеркала, атласные диваны, мягкие ковры? Можешь ли понять, во что я превратилась за последние два года? Мать испуганно вскопчила и умоляюще взглянула на дочь. Та умолкла и отвернулась к окну.

– Мы желали тебе добра, – слабым голосом произнесла миссис Эппингтон.

– О, все самые нелепые поступки на свете совершаются во имя добра, – не оборачиваясь, устало ответила Эдит. – Я и сама надеялась на лучшее. Все было бы до смешного просто, если бы мы не были живыми людьми. Давай прекратим этот пустой разговор. И так ясно, что каждое твое слово справедливо.

Некоторое время обе молчали, а на камине все громче и громче тикали часы из дрезденского фарфора, словно спешили напомнить: «Я, Время, здесь, рядом с вами, жалкие смертные. Не забывайте обо мне, строя свои глупые планы; я меняю ваши мысли и желания. Вы не больше чем марионетки в моих руках».

– Как же ты теперь собираешься поступить? – наконец строго осведомилась миссис Эппингтон.

– Как? О, разумеется, самым правильным образом. Точно так же, как все. Отошлю Гарри прочь, сказав на прощание несколько тщательно взвешенных слов, научусь делать вид, что люблю мужа, и погружусь в тихое семейное блаженство. Строить планы так легко!

Миссис Блейк рассмеялась, и появившиеся морщинки сразу ее состарили. Лицо стало жестким, даже зловещим, и мать с болью подумала о прежнем образе – таком похожем и в то же время совсем ином: милом и чистом лице девушки, способной облагородить даже жалкий родительский дом. Так же, как со вспышкой молнии перед нами открывается бескрайний горизонт, перед миссис Эппингтон мгновенно пронеслась жизнь ее дочери. Заставленная богатой мебелью комната скрылась в тумане, уступив место крохотной мансарде. В свете вечерних сумерек мать играла в чудесные игры с большеглазой светловолосой девочкой – из всех своих детей до конца она понимала лишь ее одну. Вот волк набрасывается на Красную Шапочку и покрывает поцелуями смеющееся личико. Вот к Золушке приходит прекрасный принц, а потом появляются сразу две злые сестрицы. Но самой любимой неизменно оставалась игра, в которой миссис Эппингтон оказывалась юной принцессой, по воле злого дракона превратившейся в дряхлую старуху. Вооружившись длинной металлической вилкой для поджаривания хлеба, кудрявая Эдит с воинственным криком бесстрашно набрасывалась на дракона (его изображал игрушечный трехногий конь-качал-

ка) и одерживала блестящую, неоспоримую победу. Миссис Эппингтон снова становилась прекрасной принцессой и вместе со спасительницей возвращалась домой, в замок.

В эти вечерние часы забывались все неприятности: и прощупки недалекого супруга, и назойливость мясника, требовавшего возврата долгов, и высокомерие кухни Джейн, расточительно державшей сразу двух слуг.

Но вот игра подходила к концу. Кудрявая головка склонялась к материнской груди (только на пять минут, дорогая), а в неугомонном уме рождался вечный вопрос, который дети не устают задавать тысячью различных способов.

– Что такое жизнь, мама? Я ведь еще очень маленькая. Все думаю, думаю – до тех пор, пока не станет страшно. Скажи, мама, как устроен мир.

Удавалось ли матери мудро отвечать на наивные и в то же время бесконечно сложные вопросы? Может быть, стоило отнестись к беседе более серьезно? Укладывается ли жизнь в те короткие правила, которые уверенно диктуют учебники? Миссис Эппингтон отвечала дочке так же, как когда-то, в далеком детстве, родители отвечали ей самой. Не лучше ли было задуматься и найти новые слова?

Эдит неожиданно опустилась на колени рядом с диваном, где сидела мать.

– Обязательно постараюсь быть хорошей, мама. Обещаю. Слова прозвучали совсем по-детски – все мы остаемся

детьми до тех пор, пока заботливая, мудрая природа не поцелует нас на прощание и не отправит спать.

Руки переплелись, и они снова сидели, как прежде, – родные, близкие, любящие друг друга мать и дочь. И снова их нашел сумеречный свет, пробиравшийся с востока на запад точно так же, как в старой мансарде.

Мужской разговор принес более определенные результаты, хотя и не отличался тем безупречным изяществом, на которое рассчитывал мистер Эппингтон, считавший себя опытным дипломатом. Что и говорить, в решающую минуту джентльмен до такой степени смутился, а его бесцельные замечания выглядели настолько жалкой попыткой уйти от неприятной темы, что Блейк со свойственной ему прямоотой, хотя и не без тени ехидства, уточнил:

– Сколько?

Мистер Эппингтон пришел в замешательство.

– Дело не в этом... по крайней мере пришел я не за этим, – растерянно ответил он.

– Так в чем же дело?

Мистер Эппингтон мысленно обозвал себя дураком, и не без основания. Он собирался исполнить роль мудрого советчика, хотел добыть важную информацию, не произнеся при этом ни одного лишнего слова. Грубый просчет – и вот уже его поставили к стенке и допрашивают.

– О, ничего особенного, – невнятно проямлил он. – Все-

го лишь зашел узнать, как поживает Эдит.

– Точно так же, как во время вчерашнего обеда, на котором вы присутствовали собственной персоной, – ответил Блейк. – Ну же, выкладывайте.

Отступить было некуда, и мистер Эппингтон сделал решительный шаг.

– Не кажется ли вам, – заговорил он, непроизвольно оглядываясь, чтобы удостовериться, что в комнате больше никого нет, – что молодой Сеннет ведет себя чересчур назойливо?

Блейк пристально посмотрел на тестя.

– Конечно, мы знаем, что беспокоиться не о чем, – продолжал мистер Эппингтон. – Все в порядке... прекрасный молодой человек... да и Эдит тоже... и все такое прочее. Абсурдно, разумеется, однако...

– Однако что?

– Видите ли, люди не молчат.

– И что же они говорят?

Дипломат неопределенно пожал плечами.

Блейк резко встал. В гневе он выглядел отвратительно, а изъяснялся грубо.

– Так передайте же своим людям, чтобы не совали нос в чужие дела и оставили в покое меня и мою жену.

Таков смысл высказывания; на самом же деле мысль была выражена более пространно, посредством чрезвычайно экспрессивной, эмоционально окрашенной лексики.

– Но, дорогой мой Блейк, – настаивал мистер Эппинг-

тон, – подумайте ради собственного блага: разве это разумно? Да, между ними существовала детская привязанность; ничего серьезного, но для сплетен вполне достаточно. Простите, но я отец, и мне совсем не нравится, когда судачат о моей дочери.

– В таком случае не слушайте праздную болтовню кучки глупцов! – резко парировал зять. Однако в следующий момент лицо его смягчилось, и он доверительно положил ладонь на рукав тестя. – Возможно, если поискать, найдутся и другие, но одна хорошая женщина в мире точно есть, – заключил он, – и это ваша дочь. Я скорее поверю, если вы придете и скажете, что Английский банк на грани разорения.

Однако чем крепче вера, тем глубже пускает корни подозрительность. Блейк не произнес больше ни слова на опасную тему, и Сеннет продолжал пользоваться тем же неограниченным гостеприимством, что и прежде. Но порой случалось, что Эдит поднимала глаза и неожиданно натыкалась на озадаченный взгляд мужа; казалось, Реджинальд мучительно пытался что-то понять и не мог. Все чаще он уходил из дома по вечерам, а возвращался через несколько часов усталый и забрызганный грязью.

Время от времени Блейк пытался проявить чувства. Трудно было придумать что-нибудь более отвратительное. Эдит могла бы стерпеть раздражительность и даже дурное обращение, но неуклюжие ласки и нелепые, несвязные нежные слова приводили ее в отчаяние. Она не знала, что делать: рас-

смеяться или стукнуть по отвратительной физиономии? Безвкусная, бестактная преданность заполняла ее жизнь так же, как заполняют пространство дурные, тошнотворные запахи. Если бы можно было хоть ненадолго остаться наедине со своими мыслями! Но супруг торчал рядом день и ночь. Случалось, медленно приближался с противоположного конца комнаты, с каждым шагом становился все больше и страшнее, пока не превращался в бесформенное чудовище, подобное тем, какие рождает неумное детское воображение. Эдит сидела неподвижно, плотно сжав губы и изо всех сил вцепившись в подлокотники кресла, чтобы не закричать.

Спасти могло только бегство. И вот однажды она решилась: поспешно сунула в сумку несколько самых необходимых вещей, незаметно выскользнула из дома и поехала на вокзал Чаринг-Кросс. Ближайший поезд отправлялся через час, так что времени на раздумье оставалось достаточно.

Есть ли смысл уезжать? Деньги скоро иссякнут, и что тогда? Муж непременно начнет искать и в конце концов найдет. Полная безнадежность!

Молодая кровь ответила на приступ отчаяния яростным стремлением к счастью. Почему ей суждено умереть, так и не узнав, что значит жить по-настоящему? С какой стати падать ниц перед монстром мирских условностей? Радость манила и звала; лишь трусость мешала протянуть руку и поймать мечту. Домой Эдит вернулась другим человеком: в душе проснулась надежда.

Спустя неделю в столовую вошел дворецкий и протянул хозяину конверт, надписанный рукой жены. Блейк принял письмо без единого слова, ничуть не удивившись. Казалось, он давно ожидал развязки. Открыл и прочитал, что Эдит оставила его навсегда.

Мир тесен, а деньги способны на многое. Сеннет ушел прогуляться, и Эдит осталась одна в крошечной гостиной. Любовники сняли квартиру в городке Фекам, куда приехали три дня назад. Дверь открылась, потом закрылась, и в комнате появился Блейк.

Она испуганно вскочила, однако, подчинившись повелительному жесту, тут же снова села. Спокойное достоинство сделало мужа чужим, незнакомым человеком.

– Зачем приехал? – спросила Эдит.

– Хочу, чтобы ты вернулась домой.

– Домой?! – воскликнула она. – С ума сошел! Разве не знаешь...

Он перебил и заговорил страстно и сбивчиво:

– Ничего не знаю! Не хочу ничего знать! Немедленно возвращайся в Лондон. Я все устроил так, что никто ничего не заподозрит. Меня дома не будет. Ты никогда больше меня не увидишь и сможешь исправить свою ошибку... нашу ошибку.

Эдит внимательно слушала. Особым благородством она не отличалась, а потому не могла противостоять желанию

обрести счастье, не заплатив положенную цену. Доброе имя мужа ничего для нее не значило. Блейк настаивал. Окружающие подумают, что он всего лишь вернулся к прежним порокам, и мало кто удивится. Его жизнь вернется в привычное русло, а ее будут жалеть.

Эдит отлично поняла план; сразу принять предложение было бы низко, и она попыталась спорить, хотя и слабо. Блейк, однако, отмел все возражения. Сказал, что ради собственного блага предпочитает, чтобы скандал затронул его имя, а не имя жены. Постепенно ей начало казаться, что согласие пойдет во благо. Блейк не впервые обманывал окружающих и едва ли не гордился своей изворотливостью. Неожиданно для себя Эдит даже рассмеялась, слушая, как он изображает, что скажет та или иная сплетница. Настроение заметно улучшилось; пьеса, грозившая перерасти в болезненную драму, неожиданно оказалась забавным фарсом.

Заручившись согласием, Реджинальд встал, чтобы уйти, и на прощание протянул руку. Эдит посмотрела ему в лицо: возле губ залегла горькая складка.

– Без меня тебе будет лучше, – сказала она. – Ничего, кроме неприятностей, я не принесла.

– Чепуха, – ответил Блейк. – Если бы только это! Неприятности можно пережить.

– А что же еще? – удивилась она.

Он обвел комнату рассеянным взглядом.

– В детстве меня учили многому. И мать, и остальные

родственники желали исключительно добра. Но потом оказалось, что все это ложь, и я решил, что добра на свете вообще не существует, а вокруг одно лишь зло. И тогда...

Блуждающий взгляд остановился на Эдит, и слова повисли в воздухе.

– Прощай, – произнес финансист Реджинальд Блейк и ушел.

Некоторое время она сидела, пытаясь понять, что он хотел сказать, но вскоре вернулся Сеннет, и разговор вылетел из головы.

Все глубоко сочувствовали миссис Блейк и осуждали развратного супруга. Что и говорить, парню досталась чудесная жена, и ничто не мешало жить по-человечески. Но, как со вздохом добавляли знающие люди, «Блейк всегда был подлецом».

Образец житейской мудрости

Честно говоря, графиня Н. мне совсем не нравится. Не люблю женщин такого типа. Высказываю свое отношение без особых сомнений и опасений, поскольку глубоко убежден: графиня Н. не слишком расстроится, даже если известие достигнет ее ушей. Невозможно представить, что вышеназванная леди вообще способна обратить внимание на чье-либо мнение о собственной персоне, будь то существо смертное или божественное.

Однако ради справедливости необходимо признать: графиня Н. – идеальная супруга графа Н. Она командует им точно так же, как командует всеми остальными – родственниками и слугами, викарием и знатной пожилой дамой. Однако, крепко сжимая в руке жезл, руководствуется соображениями справедливости и благими намерениями. Трудно представить графа Н. живущим в столь безоблачном согласии с любой другой особой, не наделенной подобным стремлением к неограниченной власти. Граф относится к числу тех больших, недалеких, физически сильных, добродушных и наивных мужчин, которые рождены, чтобы подчиняться женщине во всем – от выбора галстука до выбора политической партии. Хорошо, если повелительница оказывается доброй и разумной, но горе тем несчастным, кому довелось попасть в руки созданий эгоистичных или глупых! В моло-

дые годы они нередко становятся жертвами капризных хористок или матрон средних лет – тех самых, по которым Поуп судил всех сестер Евы. При благоприятных обстоятельствах из этих джентльменов получаются замечательные мужья, но в случае дурного обращения они без лишних слов, подобно недовольным жизнью котам, отправляются на поиски доброй хозяйки. Причем, как правило, успешно. Граф Н. обожал свою жену и считал себя самым счастливым из мужей – а это, как известно, является лучшим доказательством искренности. До того счастливого дня, когда графине удалось отвоевать жениха у соперниц и присвоить себе, он с доходящей до тупости покорностью подчинялся матушке. Если бы вдруг графиня внезапно скончалась, граф не смог бы выразить собственное мнение ни по одному, пусть даже самому простому вопросу. И это продолжалось бы до тех пор, пока старшая дочь и незамужняя сестра – дамы решительные и сильные, объединенные взаимным антагонизмом, – не договорились бы между собой, кому предстоит управлять и самим графом, и его обширным домом.

К счастью, для тревоги нет ни малейших оснований. Уверен, что супруга будет и впредь твердой рукой вести графа Н. к высокой цели здравого смысла и общественного блага. Ее сиятельство найдет в себе силы направлять деятельность мужа по пути доброты и рассудительности и еще долгие годы будет с достойной восхищения экономностью и завидным благоразумием обустривать фамильные поместья. Графиня

Н. – живая, энергичная леди с пышными формами, и в венах ее течет кровь многих поколений крепких здоровых предков. К тому же она относится к себе с той же безупречной заботой, которой окружает всех, кому посчастливилось оказаться рядом.

– Помню, – поведал доктор, когда мы обедали в дружеской обстановке и дамы удалились в гостиную, чтобы без помех обсудить слуг, мужей и прочие хозяйственные вопросы, а нас оставили в обществе кларета и сумерек, – помню, однажды в нашей деревне разыгралась холера (кажется, лет двадцать тому назад). Так вот, эта бескорыстная женщина отказалась от лондонского светского сезона, чтобы остаться здесь и взвалить на свои плечи тяжкий груз. Не склонен петь дифирамбы: работа ей нравилась, и она ощущала себя в своей стихии. И все же должен признать, что трудилась она хорошо. Не боялась. Если того требовали обстоятельства, носила больных детей на руках. Всю ночь просидела в комнате площадью не больше двенадцати квадратных футов между умирающим крестьянином и его умирающей женой. И ничего с ней не случилось. И шесть лет назад, в разгар эпидемии оспы, вела себя точно так же. Невозможно поверить, что за всю свою жизнь леди проболела хотя бы один-единственный день. Помяните мое слово: графиня Н. будет все так же лечить больных в нашем приходе, когда мои кости будут греметь в гробу, и определять законы литературы, когда ваш

бюст уже станет привычным украшением Вестминстерского аббатства. Замечательная женщина, хотя могла бы чуть меньше командовать.

Он рассмеялся, однако нотка раздражения в голосе не ускользнула от моего внимания. Доктор и сам казался человеком властным. Не думаю, что ему пришло по душе та спокойная уверенность, с которой почтенная дама захватила в свои руки все вокруг, включая его самого и его работу.

– А вам еще не приходилось слышать историю свадьбы? – поинтересовался он.

– Нет, – ответил я. – Чьей свадьбы? Графа?

– Я бы скорее говорил о свадьбе графини, – уточнил он. – Когда я сюда приехал, в округе без умолку сплетничали об этой истории, но со временем другие любопытные события постепенно стерли ее из памяти. Не сомневаюсь: почти все уже забыли, что графиня Н. когда-то стояла за прилавком в кондитерской.

– Что вы говорите! – не поверил я. Сознаю, на бумаге восклицание выглядит бледно, как и прочие искренние, эмоциональные замечания.

– Неоспоримый факт, – подтвердил доктор, – хотя особа едва ли похожа на продавщицу, правда? Но с другой стороны, знал я графинь, чей род восходил к самому Вильгельму Завоевателю, а сами они подозрительно напоминали официанток, так что равновесие соблюдено. Мэри, графиня Н., тридцать лет назад носила имя Мэри Сьюэлл, была до-

черью торговца льняными товарами и проживала в городке Таунтон. По местным меркам бизнес шел довольно успешно, однако никак не мог удовлетворить потребности семейства. Если мне не изменяет память, у Сьюэллов было семь сыновей и восемь дочерей. Самая младшая, Мэри, училась недолго и скоро сама начала зарабатывать на жизнь. Попробовала одно, другое, пока наконец не поступила на службу к кузену. Тот сумел стать булочником и кондитером, а со временем добился немалых успехов и даже держал собственный магазин в Лондоне, на Оксфордстрит. Должно быть, молодая особа отличалась необыкновенной привлекательностью, ведь графиня Н. еще и сейчас красива. Представляю нежную сливочную кожу, в те времена свежую и гладкую. К тому же на щеках девушек с запада Англии неизменно присутствуют очаровательные ямочки, а глаза сияют так, словно милашки только что умылись утренней росой. Особенным успехом в кондитерской пользовались ленчи для дам – бокал хереса и тарелка пирожных. Полагаю, Мэри щеголяла в каком-нибудь облегающем платье серого или черного цвета, с короткими рукавами, в достаточной степени обнажавшими полные руки, и с приветливой улыбкой непринужденно порхала между мраморными столиками. Там-то ее впервые и увидел нынешний граф Н., в ту пору еще молодой лорд С., только что окончивший Оксфорд и не успевший освоиться с опасностями холостяцкой жизни в Лондоне. Случилось так, что джентльмен сопровождал родственниц в салон фотогра-

фа, а поскольку в те дни отели и рестораны считались недоступными для дам, привел подопечных на ленч в кондитерскую Сьюэлла. Мэри очаровательно обслужила компанию, а теперь те из посетительниц, кто еще остался в живых, прислуживают ей.

– Женившись, граф проявил похвальное благоразумие, – заметил я. – Подобная жизненная позиция достойна восхищения. – Превосходный лафит шестьдесят четвертого года, которым угощал доктор, вселял снисходительное расположение ко всем без исключения мужчинам и женщинам, даже графам и графиням.

– Вряд ли он имел какое-то отношение к судьбоносному решению, – рассмеялся доктор. – Разве что, подобно Баркису, «испытывал расположение и постоянную готовность». Странная история; кое-кто отказывается верить в истинность событий. Однако те, кто хорошо знаком с графиней Н., полагают, что все случившееся вполне в духе ее сиятельства и соответствует правде. Ну а мне доподлинно известно, что так оно и есть.

– Был бы рад услышать историю с начала и до конца, – признался я.

– Что ж, могу рассказать. – Доктор с удовольствием зажег новую сигару и подвинул мне коробку.

Нетрудно представить, что молодой человек внезапно проникся пылкой страстью к хересу в хрустальных графинах

по шесть пенсов за стакан и к знакомым нам с юности булочкам со смородиновым джемом. С того дня он являлся в кондитерскую Сьюэлла на ленч, на чай и даже на обед, довольствуясь котлетой и сладким печеньем. Возможно, лишь из опасения, что слухи об этом достигнут ушей матушки, он назвался вымышленным именем и под этим псевдонимом вступил с Мэри в близкие отношения. К чести девушки необходимо подчеркнуть, что она влюбилась в простого мистера Джона Робинсона и согласилась выйти замуж отнюдь не за будущего графа, а за сына колониального купца – как показали обстоятельства, истинного джентльмена и человека вполне обеспеченного, но не слишком превосходящего ее в социальном положении. А о том, что возлюбленный – не кто иной, как лорд С., наследник поместий и титула, ей довелось услышать лишь в ходе мучительного разговора с его матушкой.

–

Я ничего об этом не знала, мадам, – уверяла Мэри, стоя возле окна в гостиной над магазином. – Даю честное слово, понятия не имела.

– Может быть, и так, – ледяным тоном отвечала леди. – А если бы знали, отказали бы?

– Трудно судить, – честно призналась девушка. – Все было бы по-другому с самого начала. Но он ухаживал за мной и сделал предложение.

– Не стоит об этом говорить! – отрезала мамаша. – Я здесь

не для того, чтобы защищать сына, и не утверждаю, что он поступил хорошо. Вопрос лишь в том, какая сумма способна компенсировать вполне понятное разочарование?

Ее сиятельство гордилась собственной прямоотой и практической хваткой. Произнеся последние слова, она достала из ридикюля чековую книжку и погрузила перо в чернильницу. Склонен думать, что обращение к чековой книжке оказалось серьезной ошибкой. Девушка обладала достаточной долей здравого смысла, чтобы видеть возможные препятствия. Скажу прямо, на пути к союзу наследника графского титула с дочерью торговца льняными товарами препон возникло немало. Если бы леди отличалась большей проницательностью, беседа прошла бы значительно успешнее. К сожалению, она судила мир по единому стандарту, совсем забыв, что порой встречаются индивидуальности. Мэри Сьюэлл выросла на западе Англии – в том краю, который во времена Дрейка и Фробишера подарил стране немало бесстрашных, сильных духом и телом пиратов. Оскорбление чековой книжкой задело независимую особу до глубины души. Губы мгновенно сжались, а страх тут же испарился.

– Сожалею, но не считаю возможным удовлетворить намерения вашего сиятельства, – заявила она.

– О чем вы, милочка? – не поняла леди.

– Всего лишь о том, что не собираюсь испытывать разочарования, – ответила Мэри спокойным, уважительным тоном. – Мы дали друг другу клятву. Если мой жених –

джентльмен, как это и есть на самом деле, то сдержит слово. Ну а я непременно выполню свое обещание.

Ее сиятельство принялась убеждать, как это обычно делают люди, когда что-то исправлять уже поздно. Указала на разницу в социальном положении, подробно описала несчастья, ожидающие дерзкую самозванку, которая осмелится проникнуть в чуждый круг. Однако к этому времени девушка уже успела справиться с удивлением и, должно быть, смекнула, что графский титул стоит борьбы. Подобный аргумент нередко руководит поступками лучших из женщин.

– Мне отлично известно, что я не леди, – невозмутимо возразила Мэри, – но все мои родные – честные, добропорядочные люди, и я постараюсь научиться всему, чего пока не знаю и не умею. Не хочется неуважительно отзываться о богатых и знатных, но, прежде чем поступить на работу в кондитерскую, я служила горничной в одном блестящем доме и там видела тех, кого принято называть высшим обществом. Теперь твердо знаю, что смогу стать такой же леди, как многие, если не лучше.

Графиня вновь начала сердиться.

– И кто же, скажи на милость, тебя примет? Девчонку, которая подавала пирожные!

– Леди Л. когда-то прислуживала в баре, – ответила Мэри, – это немногим лучше. А герцогиня Д., насколько мне известно, танцевала на сцене. Вот только, судя по всему, об

этом уже никто не помнит. Не думаю, что те люди, с мнением которых стоит считаться, будут долго упорствовать и возражать.

Поединок становился интересным.

– Ты утверждаешь, что любишь моего сына, – в ярости закричала графиня, – и при этом готова сломать ему жизнь, принизить до своего уровня!

В этот момент молодая особа, должно быть, выглядела великолепно; я искренне хотел бы оказаться свидетелем беседы.

– Никто никого не принизит, миледи, – возразила она. – Да, я всей душой люблю вашего сына – лучшего, добрейшего из джентльменов. Но в то же время вовсе не слепа и отлично вижу, что та порция ума, которую природа выделила нам двоим, сосредоточена преимущественно в моей голове. Сочту своим долгом соответствовать положению его супруги и помогать в работе. Не беспокойтесь, ваше сиятельство, из меня получится хорошая жена, и сын ваш никогда не пожалует о своем браке. Возможно, вам удастся найти невесту богаче и образованнее, но спутницу жизни, более преданную ему и его интересам, не отыщете, сколько бы ни искали.

На этом сцена практически завершилась. Графиня смогла понять, что дальнейшие пререкания лишь усугубят поражение. Она встала и спрятала чековую книжку в сумку.

– Скорее всего, милочка, вы сошли с ума, – заключила она, – но если не желаете позволить что-то для вас сделать,

то на этом разговор окончен. Ругаться с вами я не намерена. Сын осознает долг и передо мной, и перед семьей. Поступайте, как знаете, а я пойду своей дорогой.

– Очень хорошо, миледи, – отозвалась Мэри Сьюэлл, открывая ее сиятельству дверь. – Посмотрим, кто победит.

Но как бы храбро ни держалась девушка перед лицом врага, подозреваю, что, обдумывая все обстоятельства после ухода графини, чувствовала она себя неважно. Она знала возлюбленного в достаточной степени, чтобы понимать: в твердых руках матушки сын окажется не чем иным, как комком воска. И при этом ей даже не представится шанса противопоставить свое влияние воздействию злых сил. Мэри снова перечитала те несколько наивных мальчишеских писем, которые написал ей жених, и взглянула на фотографию, украшавшую камин маленькой спальни. Из рамки смотрело лицо искреннего, симпатичного молодого человека, освещенное хорошими, хотя и чересчур большими для мужчины глазами, но испорченное катастрофически слабым ртом. Чем дальше думала мисс Сьюэлл, тем глубже верила: жених любит ее и настроен чрезвычайно серьезно. Если бы дело касалось его одного, то ничто не помешало бы ей стать будущей графиней Н., но, к сожалению, считаться следовало не с лордом С., а с нынешней графиней Н. Ни в раннем детстве, ни в годы отрочества и юности лорду С. ни разу не приходило в голову послушаться материнского приказа, а ум его не был готов к восприятию новых идей. Если и удаст-

ся победить в неравной схватке, то исключительно благодаря тонкому искусству, а не силе. Мэри села за стол и написала письмо, представлявшее собой ярчайший образец высокой дипломатии. Поскольку не приходилось сомневаться, что графиня непременно прочтает послание, то каждое слово предназначалось не только жениху, но и его матери.

Письмо не содержало ни единого упрека, да и выражение чувств отличалось умеренностью. Писала скромная особа, которая могла бы потребовать всего, что причиталось по праву, но вместо этого просила лишь о любезности. Единственное ее желание заключалось в том, чтобы встретиться с женихом наедине и услышать о расторжении помолвки из его собственных уст.

«Не опасайся, – писала Мэри Сьюэлл, – что я вызову раздражение излишней настойчивостью. Гордость не позволит требовать свадьбы вопреки твоей воле, а любовь запретит доставлять боль. Скажи сам, что хочешь разорвать отношения, и я без единого слова освобожу тебя от обязательств».

Благородное семейство обитало в городе, и Мэри отправила письмо с надежной оказией. Графиня вскрыла послание, с истинным удовлетворением прочтала обращение и, вновь запечатав, собственноручно отдала сыну. Строки, начертанные рукой невесты, обещали благополучное решение проблемы. Но ее сиятельство всю ночь провела без сна, воображая вульгарное судебное разбирательство дела о нарушенном обязательстве. Вот уже ее подвергал унижительному пе-

рекрестному допросу пронирыливый развязный адвокат. Судья неправильно истолковал и резко негативно прокомментировал тот факт, что сын изменил имя и назвался Джоном Робинсоном. Сочувствующее жюри присяжных приняло решение о громадной сумме в счет возмещения ущерба. На полгода, а то и больше, семья стала мишенью для безвкусных шуток комиков из мюзик-холла и ядовитых комментариев безжалостных журналистов. Лорд С. прочитал письмо, покраснел и послушно протянул листок мамочке. Графиня притворилась, что впервые видит летящие, стремительные строчки, и посоветовала назначить встречу.

– Я так рада, – заявила она, – что девушка отнеслась к делу разумно. Когда все уладится, мы непременно что-нибудь для нее сделаем. Пусть она спросит меня, и тогда слуги решат, что пришла наниматься новая горничная, и не станут сплетничать.

В тот же вечер Мэри Сьюэлл, которую дворецкий объявил как «неизвестную молодую женщину», проводили в маленькую гостиную, соединяющую библиотеку с остальными официальными комнатами известного дома на Гросвенор-сквер. Графиня радушно поднялась навстречу.

– Сын придет через минуту, – защебетала она. – Он сообщил мне о вашем письме. Поверьте, дорогая мисс Сьюэлл, никто не сожалеет о его необдуманном поступке больше, чем я. Но молодые люди неисправимы и не желают даже думать о том, что их шутки кем-то могут быть восприняты всерьез.

– Я вовсе не считаю свою судьбу шуткой, миледи, – ответила Мэри чуть суше, чем следовало.

– Разумеется, милочка, – поддержала графиня. – Именно об этом я и говорю. Мальчик кругом не прав. Но с вашим хорошеньким личиком не придется долго ждать мужа; в этом я уверена. Ну а мы подумаем, чем сможем помочь.

Графине, несомненно, недоставало такта. Столь серьезный изъян чрезвычайно ограничивал шансы на успех.

– Благодарю, – не растерялась девушка, – но предпочитаю сама сделать выбор.

К счастью – в ином случае беседа могла бы закончиться очередной ссорой, – в комнате появился виновник многочисленных неприятностей, и графиня, напоследок шепнув сыну несколько ободряющих слов, оставила парочку выяснять отношения наедине.

Мэри устроилась на стуле в центре комнаты, на равном расстоянии от обеих дверей. Лорд С. счел, что сидеть в данной ситуации не пристало, и встал спиной к камину. Несколько секунд продолжалось тяжкое молчание, а потом Мэри достала из кармана белоснежный носовой платок и заплакала. Графиня, должно быть, была неважным психологом, если упустила такую возможность. Впрочем, не исключено, что она вспомнила те редкие случаи, когда сама, крупная ширококостная особа, пыталась воздействовать на ход событий посредством слез, и не придала оружию особого значения. Но все происходит иначе, когда плачут пухлые,

мягкие женщины, да к тому же плачут тихо, беззвучно. Глаза начинают сиять еще ярче, а слезы, редкие и крупные, блещут, словно капли росы на лепестке розы.

Лорд С. отличался несравненным мягкосердечием. Не прошло и мига, как он бросился на колени, обнял возлюбленную за талию и осыпал самыми нежными словами, какие только пришли на ум, неготовый к подобному удару. Не долго думая, проклял злодейку-судьбу, графский титул и матушку, после чего заверил Мэри, что единственный шанс на счастье видит в возможности сделать ее своей графиней. Если бы Мэри произнесла хоть слово, он, не раздумывая, схватил бы ее на руки и забыл обо всем мире – на время. Однако мисс Сьюэлл отличалась практическим складом ума и отлично сознавала, как трудно управляться с влюбленным мужчиной, который готов на все, пока вы на него смотрите красивыми глазами, но в те минуты, когда вас рядом нет, подвержен иному, неблагоприятному влиянию. В порыве страсти лорд С. предложил немедленную тайную свадьбу. Но поскольку невозможно выскочить на улицу, поймать священника и тут же обвенчаться, Мэри понимала, что стоит ей выйти за порог, как воля жениха немедленно окажется во власти матушки. Затем возлюбленный заговорил о побеге, однако побег требовал денег, а графиня предусмотрительно держала финансовые дела сына под неусыпным бдительным контролем. Лорд С. впал в отчаяние.

– Выхода нет! – вскричал он. – Все идет к тому, что при-

дется жениться на ней!

– На ком? – с излишней поспешностью уточнила Мэри.

Лорд С. объяснил суть проблемы. Графские поместья томилась под гнетом долгов, а потому считалось, что наследнику желательнее жениться на деньгах. Деньги в лице дочери одного богатого и амбициозного выскочки не заставили себя ждать – точнее говоря, были должным образом предложены.

– Какая она? – с тревогой в голосе спросила Мэри.

– О, вполне приятная, – последовал ответ. – Вот только мне нет дела до нее, а ей нет дела до меня. Так что особого веселья ждать не приходится. – И лорд С. горько рассмеялся.

– А откуда ты знаешь, что она к тебе равнодушна? – уточнила Мэри. Как известно, женщина способна весьма критически относиться к недостаткам своего избранника, в то время как другим он может казаться по меньшей мере вполне достойным внимания.

– Ей нравится другой. Она сама сказала.

Довод прозвучал весомо.

– И, несмотря на это, она готова выйти за тебя? – не унималась Мэри.

Молодой человек пожал плечами:

– Видишь ли, этого хотят ее родные.

Несмотря на переживания, девушка не смогла удержаться от смеха. Судя по всему, богатенькие отпрыски совсем не могли за себя постоять. Стоя за дверью, ее сиятельство занервничала: смех оказался единственным звуком, который

ей удалось услышать.

– Жизнь полна сложностей, особенно если ты... ну, сама понимаешь, что-то собой представляешь, – пояснил лорд. – Невозможно поступать так, как хочешь. От тебя постоянно чего-то ожидают, и приходится учитывать массу различных обстоятельств.

Мэри встала, сняла перчатки и обвила шею возлюбленного нежными молочно-белыми руками.

– Скажи, Джек, ты меня любишь? – спросила она, заглянув ему в лицо.

Вместо ответа несчастный со слезами на глазах крепко ее обнял.

– Послушай, Мэри! – горячо воскликнул он. – Да если бы я мог забыть о своем положении и поселиться вместе с тобой в деревне, сделал бы это, не откладывая, завтра же. К черту графский титул! Похоже, он способен испортить мне всю жизнь!

Не исключено, что в этот миг мисс Сьюэлл и сама хотела, чтобы титул оказался на дне моря, а ее обнимал не будущий граф, а, как и прежде, простой мистер Джон Робинсон. Эти большие, глупые мужчины обладают странной способностью вызывать в душе любовь – вопреки, а может быть, благодаря своей слабости. Они возбуждают материнские чувства, а ведь именно материнские чувства и есть основная черта каждой достойной женщины.

В этот миг дверь внезапно распахнулась. Появилась гра-

финя, и нежность мгновенно испарилась. Лорд С. выпустил Мэри из объятий и отпрянул с видом провинившегося школьника.

– Мне показалось, что мисс Сьюэлл уже ушла, – провозгласила ее сиятельство тем ледяным тоном, от которого у сына неизменно коченело сердце. – Когда освободишься, зайди ко мне.

– Я скоро, – запинаясь, пролепетал лорд С. – Мэри... мисс Сьюэлл как раз собирается уходить.

Мэри стояла неподвижно до тех пор, пока графиня не удалилась и не закрыла за собой дверь, а потом повернулась к возлюбленному и заговорила тихо и торопливо:

– Дай мне ее адрес – той девушки, на которой тебя хотят женить!

– Что ты собираешься делать? – удивился лорд.

– Пока не знаю, – пожала плечами Мэри, – но хочу с ней встретиться.

Она нацарапала на бумажке имя и адрес и прямо посмотрела в виноватое лицо.

– Скажи честно, Джек, ты хочешь на мне жениться или не хочешь?

– Ты же знаешь, что хочу, – ответил лорд С., и взгляд безоговорочно подтвердил искренность его слов. – Не веди я себя так глупо, никаких проблем бы не возникло. Сам не знаю, как и почему так получилось: собираюсь сделать решительный шаг, но мать говорит, говорит и говорит без умолку...

– Знаю, – с улыбкой перебила Мэри. – Не спорь, выслушав все доводы и делай вид, что соглашаешься.

– Если бы только тебе удалось что-нибудь придумать! – воскликнул Джек, хватаясь за соломинку надежды. – Ты ведь такая умная!

– Попробую, – ответила Мэри. – Но если ничего не получится, тебе придется со мной убежать, пусть даже изпод самого носа матушки.

Она хотела сказать «мне придется убежать с тобой», но предпочла выразить мысль иначе.

Невольная соперница Мэри оказалась тихой, слабой, subtilной особой, в той же мере зависевшей от своего неистового отца, в какой лорд С. зависел от матушки. Можно лишь догадываться, о чем шла речь во время встречи, однако ясно одно: девушки договорились помогать друг другу, каждая в своих интересах.

К удивлению и восторгу родителей, в отношениях мисс Клементины Ходскисс и лорда С. вскоре произошли заметные изменения. Молодая леди перестала возражать против знаков внимания. Как известно, настроение девушек на выданье непредсказуемо, и отныне визиты лорда поощрялись, особенно в те часы, когда миссис и мистера Ходскисс не было дома. Надо сказать, случалось это нередко. Столь же удивительным казалось внезапно проснувшееся влечение молодого лорда к мисс Клементине. Имя Мэри Сьюэлл не упоминалось, а предложения немедленно жениться выслушива-

лись без возражений. Более пытливые родители непременно заподозрили бы неладное, однако и графиня Н., и бывший военный поставщик Ходскисс привыкли к тому, что все их желания чудесным образом сбываются. Графиня уже мечтала о свободных от долгового бремени поместьях, а отец Клементины надеялся на звание пэра королевства, приобретенное благодаря высоким аристократическим связям зятя. Единственное, на чем настаивали молодые (и в этом отношении их позиция отличалась сверхъестественной твердостью), так это на тихой, почти тайной свадьбе.

– Никакого шума! – потребовал будущий граф. – Где-нибудь в деревне и, пожалуйста, без толпы гостей!

Полагая, что понимает ход мыслей сына, графиня Н. ласково потрепала мальчика по щеке.

– Хочу поехать к тете Джейн и там без суеты выйти замуж, – решительно сообщила отцу мисс Ходскисс.

Тетя Джейн жила на окраине крошечной деревушки в Гемпшире, в приходе священника, известного на всю округу отсутствием во рту такой важной составной части, как небо.

– Венчаться у этого старого мямли? – прогремел батюшка (мистер Ходскисс всегда гремел, даже во время молитвы).

– Святой отец меня крестил, – настаивала Клементина.

– И одному Богу известно, каким именем назвал. Никто не понимает ни единого его слова.

– Ну и что? Хочу, чтобы он выдал меня замуж, – не сдавалась дочка.

Идея не нравилась ни графине, ни военному поставщику. Последний особенно мечтал о пышной свадьбе – событии, о котором написали бы все газеты. Но в конце концов основное значение имел все-таки сам факт бракосочетания. А с учетом глупых отношений, которые незадолго до этого случились между Клементиной и морским лейтенантом без единого пенса в кармане, упорствовать в данном вопросе не имело смысла.

В итоге, когда пришло время, Клементина отправилась к тетушке Джейн в сопровождении одной лишь горничной.

Новая горничная оказалась истинной драгоценностью.

– Порядочная, аккуратная девушка, – отметил военный поставщик Ходскисс, как всегда стараясь проявлять дружелюбие по отношению к тем, кому меньше повезло в жизни. – Знает свое место и рассуждает разумно. Постарайся ее не упустить, Клемми.

– По-твоему, она достаточно образованна? – усомнилась супруга.

– Ровно столько, сколько необходимо для приличной женщины, – успокоил военный поставщик. – А когда Клемми пожелает заняться рисованием и вышивкой, придет время для твоих «Ach Himmels»¹ и «Mon Dieus»².

– Мне и самой девушка нравится, – согласилась миссис Ходскисс. – Ей вполне можно доверять, да и лишнего из себя

---

¹ О небеса (нем.). – Здесь и далее примеч. пер.

² Мой Бог (фр.).

не воображает.

Восхищение докатилось даже до графини Н., которая как раз в это время страдала от тирании престарелой фрейлейн.

Необходимо увидеть это сокровище, подумала ее сиятельство. Жеманные заграничные штучки давно надоели.

Но удивительное дело: когда бы леди ни зашла в дом будущих родственников, застать «сокровище» так ни разу и не смогла.

– Ваша горничная вечно отсутствует, – рассмеялась графиня. – Можно подумать, что для этого существует некая веская причина.

– Совпадение действительно странное, – слегка порозовев, согласилась Клементина.

Сама же мисс Ходскисс не столько высказывала, сколько наглядно демонстрировала свое расположение к горничной – настолько, что, казалось, не могла без нее ни шагу ступить. Наперсница присутствовала даже во время визитов лорда С.

Было решено, что свадьба состоится по лицензии. Поначалу миссис Ходскисс собиралась заранее отправиться в деревню, чтобы проверить, все ли в порядке, однако, когда пришло время, выяснилось, что беспокоиться не о чем. Процедура оказалась совсем незатейливой, а «сокровище» тщательно вникло во все тонкости процесса и с готовностью приняло на свои плечи груз забот. Таким образом, семейство Ходскиссов приехало в Гемпшир лишь вечером накануне свадьбы, сразу заполонив домишко тети Джейн. Огромная

фигура военного поставщика рядом с крошечным крылечком внушала прохожим мысль о кукольном домике. В таких, как правило, живут гномы – те самые, которые во время ярмарки высовываются из окошка и звонят в колокольчики. Графиня и лорд С. остановились в особняке сестры ее ситтельства, расположенном в десяти верстах от деревни, и собирались утром приехать прямо в церковь, в то время как сам граф Н. в это время пребывал в Норвегии, где ловил лосося. Домашние дела мало его интересовали.

После обеда Клементина пожаловалась на головную боль и рано легла спать. Горничная тоже чувствовала себя неважно, а выглядела встревоженной и нервной.

– Девушка так волнуется, – заметила миссис Ходскисс, – словно завтра ее собственная свадьба.

Наутро головная боль не прошла, однако Клементина мужественно подтвердила готовность вынести церемонию в том случае, если родные пообещают не лезть в душу. Остаться рядом было позволено лишь горничной. За полчаса до выезда матушка поднялась проведать невесту. Та побледнела еще больше, если подобное вообще возможно, и стала еще раздражительнее – настолько, что пригрозила лечь в постель и больше не вставать, если ее не оставят в покое. Выпроводила мамашу из комнаты и заперла дверь. Миссис Ходскисс еще ни разу не видела дочь в таком состоянии.

Вскоре все отправились в церковь; Клементине предстояло ехать в последнем экипаже вместе с отцом. Заранее пре-

дупрежденный женой, поставщик разговаривал мало. Лишь один-единственный раз задал какой-то вопрос, и дочь ответила сдавленным, неестественным голосом. Ему показалось, что под густой вуалью дочка плачет.

– Да, чертовски веселая свадьба, – пробурчал мистер Ходскисс и погрузился в угрюмое молчание.

Церемония получилась не столь тихой, как предполагалось. Каким-то таинственным образом жители деревни пронюхали о событии и к назначенному часу явились в полном составе, да и многочисленные обитатели ДжиХолла не пожелали остаться в стороне. В итоге в маленькую сельскую церковь набилось столько народу, сколько старинные стены не выдвали с незапамятных времен.

Присутствие шикарно одетых людей смутило престарелого священника, не привыкшего видеть на службе незнакомые лица, в то время как первые звуки голоса священника смутили шикарно одетых людей. Даже та слабая артикуляция, которой обладал пастор, от волнения окончательно исчезла, так что никто не мог понять ни единого произнесенного слова. Казалось, святой отец издает какие-то слабые, невнятные, но отчаянные крики о помощи. Посвященные шепотом сообщали непосвященным причину подобного конфуза и объясняли, почему выбор пал на столь своеобразную кандидатуру.

– Это причуда Клементины, – откровенничала миссис Ходскисс. – Пастор венчал нас с мужем, а потом крестил

дочку. Милая девочка преисполнена благодарности. На мой взгляд, подобная чувствительность чудесно рекомендует будущую графиню.

Все согласились, что постоянство – очаровательное свойство, однако думали лишь о том, чтобы мучение поскорее закончилось. Церемония производила чрезвычайно странное впечатление.

На обязательные в подобных случаях вопросы лорд С. отвечал громко и внятно, в то время как слова невесты звучали едва слышно, нарушая обычный порядок. Естественным образом вспомнилась история морского лейтенанта, и самые впечатлительные из зрительниц не смогли сдержать сочувственных слез.

Когда дело дошло до подписей, все повеселели. В свидетелях регистрации недостатка не было. Церковный служитель указал место в большой книге, и присутствующие поставили подписи, как это обычно происходит, даже не помедлив, чтобы прочесть написанное. Внезапно кто-то вспомнил, что невеста еще не расписалась. Она стояла в стороне, не поднимая вуали, и выглядела одинокой и забытой. В ответ на приглашение скромно подошла и взяла из рук служителя перо. Графиня тут же оказалась рядом.

«Мэри», – написала невеста рукой, которая со стороны выглядела уверенной, но на самом деле дрожала.

– Надо же, – удивилась графиня, – никогда не знала, что среди твоих имен есть и Мэри. Да и пишешь ты сегодня со-

всем иначе – должно быть, от волнения.

Невеста не произнесла ни слова и написала: «Сюзанна».

– Как много у тебя имен, милочка! – воскликнула графиня. – Когда же доберешься до тех, которые всем известны?

«Рут», – молча вывела невеста.

Воспитание не всегда способно обуздать сильные чувства. Графиня отбросила вуаль с лица молодой супруги, и взгляду предстала Мэри Сюзанна Рут Сьюэлл собственной персоной – покрасневшая и дрожащая, но все такая же хорошенькая. В этот момент толпа свидетелей оказалась весьма кстати.

– Уверена, что вашему сиятельству скандал ни к чему, – тихо предупредила Мэри. – Тем более что дело уже сделано.

– Дело вполне можно повернуть вспять! – прошипела графиня. – Ты... ты...

– Мэри – моя жена! Не забывай об этом, мама! – Лорд С. появился рядом и крепко сжал руку любимой. – Поверь, нам очень жаль, что пришлось идти к цели кружным путем, но уж очень не хотелось затевать войну. А теперь, пожалуй, нам пора. Боюсь, мистер Ходскисс сейчас расшумится.

* * *

Доктор налил еще один бокал вина и с удовольствием выпил. Должно быть, от долгого рассказа в горле пересохло.

– А как же Клементина? – спросил я. – Наверное, пока все были в церкви, лейтенант флота примчался в дилижансе и

увез любимую?

– Для достойного завершения сюжета все должно было случиться именно так, – согласился доктор. – Однако, насколько мне известно, на самом деле вторая пара соединилась лишь через несколько лет, после смерти военного поставщика.

– А мистер Ходскисс не слишком возмущался? – забеспокоился я. Доктор никогда не доводил историю до конца.

– Право, не знаю, – ответил он. – Встретил джентльмена лишь однажды, на собрании акционеров. Впрочем, зная его неумный характер, склонен думать, что старые стены сотрясались от грома.

– Должно быть, молодожены выскользнули как можно незаметнее и поспешили уехать, – предположил я.

– Такой поступок оказался бы весьма разумным, – согласился доктор.

– Но как же Мэри удалось решить проблему дорожного костюма? – встревожился я. – Вряд ли ей хватило времени вернуться в дом тетушки Джейн, чтобы переодеться.

Доктор не проявил желания вдаваться в подробности.

– Не могу точно сказать, – пожал он плечами. – Кажется, я упомянул об исключительной практичности молодой особы. Скорее всего она предусмотрела все детали.

– Ну а графиня в конце концов успокоилась? – попытался уточнить я.

Дело в том, что ваш покорный слуга – сторонник закон-

ченных сюжетов, в финале которых каждый герой и каждая героиня занимают должное место. Это в современных романах половина персонажей так и остается в подвешенном состоянии.

– Этого тоже не знаю наверняка, – ответил доктор, – но склонен считать ее дамой достаточно благоразумной. Лорд С. уже перешагнул порог совершеннолетия, а рядом с Мэри вполне мог за себя постоять. Кажется, молодые два-три года провели в путешествиях. Сам я впервые увидел графиню (урожденную Мэри Сьюэлл) сразу после кончины старого графа и подумал, что выглядит она истинной аристократкой. Правда, в то время мне еще не довелось услышать ее историю. А вдовствующую графиню, каюсь, принял за экономку.

Искушенный Билли

Близился конец августа. Так получилось, что в клубе не было никого, кроме этого джентльмена и меня. Джентльмен сидел возле открытого окна, а рядом на полу лежала «Таймс». Я подвинул свой стул поближе и поздоровался:

– Доброе утро.

Джентльмен подавил зевок и ответил:

– Доброе. – Слово «утро», видимо, оказалось лишним. Обычай сокращать все, что можно, только входил в моду, и он старательно ему следовал.

– Боюсь, день будет жарким, – продолжил я.

– Боюсь, – последовал краткий ответ, после чего невежа отвернулся и невозмутимо закрыл глаза.

Я сделал вывод, что разговор не входил в его планы, однако препятствие лишь подогрело решимость побеседовать по душам и обсудить всех лондонских знакомых. Захотелось вывести апатичного эгоиста из себя, разрушить ту незыблемую оболочку спокойствия, в которой он существовал. Я собрался с духом и приступил к осуществлению плана.

– «Таймс» – интересная газета, – заметил я.

– Очень, – ответил джентльмен, поднял с пола свежий номер и протянул мне. – Не желаете ли почитать?

Рассчитывая вызвать раздражение, я постарался придать голосу агрессивную жизнерадостность, однако его манеры

по-прежнему демонстрировали лишь скуку. Я вежливо возразил относительно уместности перехода газеты в руки следующего читателя, и он все с тем же безразличным видом заверил, что сам успел изучить ее от первой до последней страницы. Оставалось одно: бурно благодарить в надежде, что собеседник ненавидит чрезмерное выражение чувств.

– Говорят, прочитать передовицу в «Таймс» – все равно что получить урок английской словесности.

– Да, слышал, – невозмутимо согласился он. – Лично меня подобные уроки не интересуют.

Стало очевидно, что рассчитывать на помощь газеты не приходится. Я закурил сигарету и высказал предположение, что стрельбой из ружья джентльмен не увлекается. Он подтвердил справедливость догадки. В данных обстоятельствах, разумеется, было бы проще опровергнуть это предположение, однако чудачком внезапно овладело желание исповедаться.

– Лично мне процедура кажется непропорционально громоздкой, – признался он. – Месить десять миль грязи в компании четырех мрачных личностей в черных бархатных куртках, пары измученных собак и тяжелого ружья – и все это лишь ради того, чтобы убить нескольких птиц ценой в двенадцать фунтов и шесть пенсов.

Я шумно рассмеялся и воскликнул:

– Хорошо, хорошо! Очень хорошо!

Он определенно принадлежал к числу тех людей, которые,

едва заслышав смех, внутренне содрогаются. Очень хотелось похлопать его по плечу, но мешало опасение, что неосторожный жест заставит его окончательно замкнуться.

Я поинтересовался отношением собеседника к охоте. Джентльмен ответил, что чрезвычайно утомлен разговорами о лошадях и обо всем, что с лошадьми связано, – по четырнадцать часов в день! – и по этой причине охоту давно оставил.

– Так, может быть, рыбачите? – не унимался я.

– Для рыбалки мне не хватает воображения, – отрезал он.

– В таком случае наверняка много путешествуете.

Должно быть, к этому моменту джентльмен уже смирился с неизбежностью судьбы и сдержанно повернулся в мою сторону. Когда-то старая няня называла меня не иначе, как самым «утомительным» ребенком на свете. Сам я, правда, предпочитаю считать себя настойчивым.

– Наверняка путешествовал бы больше, – отозвался он, – если бы обладал способностью видеть, чем одно место отличается от другого.

– А в Центральной Африке не бывали? – осведомился я.

– Раз-другой, – ответил он. – Очень напоминает Кью-Гарденс.

– Ну а Китай?

– Нечто среднее между тарелкой, на которой нарисована ива, и трущобами Нью-Йорка, – последовал ответ.

– Северный полюс? – В глубине души теплилась надежда

на удачу с третьей попытки.

– Ни разу до него не дошел, – ответил он. – Однажды добрался до острова Гаклюйты, и все.

– Ну и как впечатление? – уточнил я.

– Никак, – лаконично произнес он.

Разговор перешел на женщин, затем коснулся фиктивных фирм, собак, литературы и иных подобных тем. Выяснилось, что джентльмену все известно и все успело изрядно надо-
есть.

– Когда-то они казались забавными, – отозвался он о первом пункте списка. – До тех пор, пока не начали принимать себя всерьез. А теперь кажутся просто-напросто глупыми.

Осенью мне пришлось узнать Искушенного Билли ближе, так как спустя месяц мы случайно вместе оказались гостями одной восхитительной хозяйки. Должен искренне признаться, что после этой встречи мое мнение о джентльмене значительно улучшилось. Оказалось, что этот человек способен принести немалую пользу. Так, следуя его примеру, можно было чувствовать себя увереннее в вопросах моды. Все знали, что его галстук, воротник, носки если и не блистали новизной, то неизменно соответствовали самым строгим требованиям. А в светском кругу ему не было цены в качестве философа, советчика и друга. О каждом он знал абсолютно все, начиная с биографии и заканчивая давними убеждениями. Был в курсе прошлого любой из женщин и проницательно предсказывал будущее всех мужчин. Мог

показать сарай, в котором графиня Гленлеман веселилась в дни невинности, и отвести на завтрак в кофейню неподалеку от МайлзЭнд-роуд. В этом заведении владелец фирмы «Сэм Смит», родной брат знаменитого на весь мир светского писателя Смит-Стратфорда, влачил не подверженное критическому анализу, безотчетное, не увековеченное фотографиями существование, питаюсь тонкими ломтиками ветчины по три штуки за полпенса и шницелями по паре за пенс. Он знал, в какой из гостиных не следует злоупотреблять лестью и за каким из столов опасно осуждать политическую спекуляцию. Не задумываясь, сообщал, какому гербу соответствует та или иная торговая марка, и помнил цену, уплаченную за каждый титул баронета, полученный в королевстве на протяжении последних двадцати пяти лет.

Говоря о себе, Искушенный Билли, подобно королю Карлу, мог бы заявить, что ни разу не сказал ничего глупого и не сделал ничего умного. Презирал или делал вид, что презирает, большинство своих знакомых, а те из знакомых, с чьим мнением следовало считаться, непритворно презирали его.

Короче говоря, разносторонне образованного обитателя светских салонов можно было бы сравнить с артистом мюзик-холла, только с мозгами. После обеда джентльмен составлял отличную компанию, а вот по утрам его общества следовало избегать.

Так я думал об Искушенном Билли до тех пор, пока однажды он не влюбился, или, изъясняясь языком Тедди Тид-

марша, который и сообщил нам новость, «втрескался в Герти Ловелл».

– В рыженькую, – пояснил Тедди, чтобы мы могли отличить молодую леди от сестры, которая недавно обрела новый золотистый оттенок.

– Герти Ловелл! – воскликнул капитан. – Надо же, а мне всегда говорили, что у этих девушек за душой ни гроша!

– Каменное сердце нашего старика разбилось, это я знаю точно, – заверил Тедди; он занимал таинственное, но во всех иных отношениях вполне удовлетворительное место в конторе неподалеку от Хаттон-Гарден и отличался беспредельной искренностью и прямоотой в обсуждении чужих дел.

– Значит, где-нибудь в Австралии или Америке, если не дальше, неожиданно объявился богатенький дядюшка – овцевод, свиновод, а может быть, сам алмазный король, – предположил капитан, – и наш Билли держит нос по ветру. Уж что-что, а это он умеет.

Мы согласились, что без подобного объяснения не обойтись. Однако следует честно отметить: во всех прочих аспектах рыжеволосую Герти Ловелл вполне можно было считать той самой особой, которую разум, без сомнения, выбрал бы в пару Искушенному Билли. Увы, в подобных вопросах с рассудком советуются далеко не всегда.

Солнечный свет не благоволил к мисс Ловелл, однако вечером, при умеренном освещении, леди производила впечатление очаровательной юной девушки. В лучшие минуты

ее трудно было назвать красивой, но в моменты неблагоприятные проявлялись черты благородства и хорошего воспитания, что неизменно спасало ее от пренебрежения. К тому же Герти безупречно одевалась. По характеру она вполне соответствовала идеальному образу светской дамы – всегда обаятельной и, как правило, неискренней. За религией отправлялась в Кенсингтон, а за моралью – в Мейфэр. Литературные познания черпала в библиотеке Ричарда Мьюди, а искусство изучала в галерее на Гросвенор-сквер. За каждым чайным столом с равной свободой и беглостью рассуждала о филантропии, философии и политике. Мысли ее всегда гарантированно соответствовали новейшим течениям, а точка зрения непременно совпадала с точкой зрения собеседника. Когда в клубе один известный романист попросил миниатюрную миссис Бунд, супругу художника, описать мисс Ловелл, та несколько мгновений молчала, поджав хорошенькие губки, а потом изрекла:

– Это особа, которой жизнь не способна преподнести подарок более ценный, чем приглашение на обед в дом герцогини, и представить повод для страданий более весомый, чем дурно сидящий костюм.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.